

Максим Михайлов

Ядовитое солнце

Максим Михайлов

Ядовитое солнце

<https://litres.ru/74278889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одного человека солнце тянет вверх, диким цветком пробивающимся к свету. Другого — медленно травит ядом усталости. Мы привыкли делить мир на черное и белое, но правда в том, что самые ядовитые лучи выжигают на холсте нашей жизни новые цвета. Без них эта картина никогда не стала бы полной.

Содержание

Белая майка с красными пятнами	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максим Михайлов

Ядовитое солнце

Белая майка с красными пятнами

Белая майка с красными пятнами

Каждое лето уходит навсегда. Оно оставляет после себя всё тот же запах горячего асфальта после дождя и полынную горечь на губах, но смотрит на нас уже другими глазами. Время стирает события, но обостряет чувства. С каждым прожитым годом жизнь становится короче, а оттого — бесценнее.

Мы наконец-то понимаем главное: у человека есть только одна настоящая драгоценность — само дыхание. Моя философия проста и пронзительна: мир неизменен, конечны лишь мы в нём. И эта тихая грусть делает золото июньских закатов невыносимо настоящим.

Вечер подкрадывался неслышно. Я толкнул створку окна, впуская в комнату хотя бы одну волну далёкого ветра. Это солнце прекрасно. Оно не насмехается над нами — оно просто делает свою работу. Плавит асфальт, наполняет соком плоды, заставляет жизнь тянуться вверх, как дикий цветок. Мой взгляд упал на вишню. Тяжёлые, глянцевые кисти висели совсем недалеко. Господи, какая она сочная. Желание

стало почти физическим: казалось, если я сделаю ещё шаг, смогу почувствовать этот вкус прямо сердцем. И я сделал его, начал спускаться по горячим бетонным ступеням...

Осталось всего пара метров до прекрасного дерева, что красило наш двор каждое лето. В этот момент, с него уже спускается Илья — такой веселый, такой ароматный... Он эту вишню ждал, кажется, больше, чем само дерево своих плодов. На его белой майке проступают свежие красные пятна. Но знаете, это не страшно. В колодце есть вода — постирается. Главное, что в его детство попали вот эти маленькие ягоды, терпкие и сладкие, как запах роз.

— Пап, — говорит он счастливо, вытирая липкий подбродок нижней частью майки. — Пойдем гулять по улице? Я наелся. Хочу покататься на велосипеде.

— Пап, ну давай пошли! — тянет он капризным голосом, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения.

Я решаю пойти ему навстречу. Может же отец баловать сына? Конечно, может. Тем более чтобы у него в воспоминаниях осталось хорошее — не отцовская усталость, а вот это летящее детское «хочу». Я не показал ему своего желания наброситься на эти вишни. Просто улыбаясь, ответил: — Давай маму попросим, пусть даст другую майку. Мы же выходим погулять...

Она услышала наш разговор с кухни через открытое окно. — Идите так, потом придёте, я поставлю стирку, — её голос звучит немного в нос от кухонной жары. — Сейчас за-

нята. Жарится рыба, да и каша варится. Я чуть-чуть занята. От окна пахнет раскаленным маслом и речным карасём. А от Ильи всё ещё веет пылью дороги и сладким соком. Два совершенно разных лета сошлись в одном дворе.

— Ладно, командир, — говорю я сыну. — Бежим, пока мама не передумала и не заставила мыть руки. Он уже схватил велосипед, и мы выходим за калитку. По пути я вспомнил, что давно не был у нашего старого дома. Он не заброшенный — я постоянно навожу там порядок, просто хотел проверить, всё ли в порядке. Там, конечно, ничего не поменялось. Там по-прежнему царствует время. Но всё же есть тихая грусть по прошлому: там жили мои корни — дед да баба. Дом стоит неподалёку от церкви. Я всегда прохожу мимо неё, смотрю на это величественное, красивое здание и думаю о нём как о доме Бога — он здесь всегда открытый.

Каждый раз постою немножко и пойду дальше. Даже в этот раз у меня не было ничего, кроме этого плана. А Ильюшка вообще не против. У него сейчас своё лето: в животе порхают бабочки, а соседские пчёлы каждый раз приносят свежий мёд... Илья ушел вперед немножко, но остановился и смотрел, как я тяжело нес этот велосипед. А что вы хотите? Крутить педали в гору — это уже не мое. Пускай не сильная гора, но для меня уже слабовато. У калитки церкви выходила баба Прасковья. Первое, что я заметил у нее на лице — слезы. В такой вечер прикольный, с ароматом детства Ильюшки, и тут слезы... Я подошел ближе и спросил: — Что

случилось, бабушка? Она поздоровалась тихо, как всегда. — Ох, сколько лет я сюда прихожу, но сегодня у меня сердце болит как-то по-другому, ноет что-то внутри. Я стоял ошарашенный. — Ты представляешь, — сказала она огромными глазами. — Даже батюшка ушел в грусти домой. У него тоже стресс. Я опомнился: — Что случилось, бабушка? Ответьте. Она подняла глаза к небу и заговорила.

— Воздух в храме уже стоял густой, тяжелый — ладан мешался с летним потом прихожан. Самый конец службы был, около одиннадцати. Все мытарства свои додумывали, домой тянуло. И тут дверь скрипнула — Игнат. Ты ж его знаешь, бирюк-бирюком, дом на краю села. Душа у него черная с прошлого года, когда своих кровиночек в огне потерял. Сам почернел весь, с женой разошелся... — Бабуль, помню я про Игната. Что дальше-то? Прошел мимо нас, иконе поклонился? — Какой там иконе! Батюшку за рукав прямо у Царских врат поймал. А я сбоку, у канона, стояла. Слушать чужой грех — пагуба, сама знаю... Но уши заложило, всё до слова разобрала... Отпусти мне, Господи, наушничество мое... Слушай сынок дальше, я тебе все до последнего расскажу:

— Батюшка... Благословите. Извините, что так... поздно, под самый конец... Это я, Игнат. Вы же знаете меня. И мое горе знаете. Так почему же в селе такие разговоры пошли, добавки к моей беде? Я дома терпел, стены грыз. Сюда пришел не от безверия. Верую, батюшка. Бог ведь не в бревнах, Он в ребрах наших. В сердце сидит. А оно сейчас огнем го-

рит. Отчего люди такими злыми стали, скажите? Я не академик, университетов не кончал. Пьянь из меня никакая — вон, воздух в храме до сих пор ладаном пахнет, а от меня разве что пылью дорожной несет. Не нужны мне памятники за трезвость. Я просто выхода не вижу. Ждать своего конца втихую не могу. Колют меня языком со всех углов, житья не дают. Батюшка Олег слушал, не перебивая. Воздух между ними словно загустел. Этот простой мужик с сажей под ногтями не просто просил совета — он бил священника наотмашь своими вопросами, заставляя самого пастыря усомниться в устройстве мира. — Еще вот что покоя не дает, святой отец. Простите за глупость мою. Сижу ночью на паперти, холодно. Думаю о Христе. О том часе на кресте. Мы-то тут приходим чистенькие, просим чего-то, требуем справедливости. А Он? Представьте только: Бог-Отец ходит по райскому саду и вдруг узнает, что люди убили Его Сына. Его же собственные создания! Какое это должно быть горе для Бога? У Него небось глаза были красные, как маки полевые от слез, дышать нечем было. Казалось бы — дунь посильнее, и нет этой земли, что такое натворила. А Он стерпел. Простил. Понимаете? Простил. Я ведь тоже, батюшка, отец. Был. Хотя нет, как же я говорю — «был»? Живые они, мои детки, здесь, рядом спят. Почему же меня село своим не считает? Что я им сделал? Такой же, из глины... Я душу свою где-то обронил, сердце потерял... У отца Олега перехватило горло. Хотелось завывать в голос, разреваться, как мальчишке. Что

сказать этому выжженному изнутри человеку? Слов утешения не было. Но помогли те самые голоса, которым он служил всю жизнь. Голоса тишины. Он не стал богословствовать, раскладывать грехи по полкам. Он просто положил тяжелую ладонь на плечо Игната: — Терпи, сынок... Прости их. Всем сердцем прости, слышишь? Как Господь наш ту страшную ошибку простил, так и ты отпусти. Он твою муку видит. Рано или поздно каждый поймет, какую боль причинял другому. А если сами не поймем — Он нам объяснит. Там уж наговоримся досыта... Игнат наконец выдохнул. Ему нужно было выговориться — выплеснуть ту боль, что каждый день растворяла его, как соль в теплой воде. Он давно ни с кем не говорил и нашел выход лишь здесь, под сводами храма.

— Батюшка, простите за эмоции... Вы сняли камень с души.

— Он не поцеловал руку, — тихо сказала Прасковья. Не поставил свечку. Сказал спасибо, развернулся и ушел. А отец Олег не обиделся. Только перекрестил его вслед широким жестом и произнес: «Храни тебя Господь. Пусть Он навещает тебя чаще».

— Эх, баба Паша, — вздохнул я, глядя на нее. — Видите, что теперь творится не в мире, а прямо у нас... Я не нашел слов для утешения. Между нами прошумел вечерний ветерок, она кивнула и ушла к своему дому....

Я нагнал сына. — Прости, Илья. Заговорился с соседкой. Рассказывать ему о взрослых делах я не стал. Об этом узнает

позже. Всё узнает...

Дома на крыльце ждала жена: — Куда вы запропалились? Марш руки мыть, ужин стынет! Рыба и каша уже на столе. Илья, проголодавшийся со скоростью выпущенной ракеты, пулей влетел в коридор. — Сын, смени майку, — крикнула жена ему вдогонку.

— Иди, родная, — остановил я жену. — Я скоро. Дай мне минуту одному.

Я подошел к дереву. Сорвал тяжелую глянцевую вишенку, бросил в рот. Терпкий, кисло-сладкий сок обжег язык. Вот оно. Наша

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.